

Н.И. Ульянов

Русское и великорусское

Лет семнадцать тому назад, в Париже, в Musee de l'Homme, мне довелось видеть карту России с надписью: “Россию населяют русские, великоруссы, белоруссы, малоруссы и украинцы”.

Невежество Европы во всем, что касается России - не новость, но в данном терминологическом букете сами русские не всегда разбираются. Если недоразумение с малороссами и украинцами легко устраняется, то совсем не легко уладить вопрос с русскими и великоруссами. За внешней его простотой кроется большая историко-культурная проблема и острое государственно-политическое содержание. Загляните в прежние труды по этнографии России и вы мало что узнаете о “русском” народе; речь там идет о великоруссах, малоруссах, белоруссах. Слово “русский” понималось, как некий субстрат этих велико-мало-бело-русских ветвей, составлявших вместе около 80 процентов населения России.

Но вот, после большевистского переворота имя России оказывается снятым с фасада страны и заменено буквами СССР. Каждая из русских ветвей объявлена самостоятельным народом. Малороссия названа Украиной, Белоруссия осталась Белоруссией, но та часть страны, которую этнографы считали заселенной великоруссами, не получила названия “Великороссии”, она стала РСФСР, то есть “Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой”. На практике, всю славянскую часть ее жителей именуют не великоруссами, а русскими.

Причина такой терминологической неупорядоченности кроется в традиционном невежестве по части отечественной истории не одних большевиков, но всех русских революционеров взявших на себя миссию преобразования России.

До татарского нашествия ни Великой, ни Малой, ни Белой России не существовало. Ни письменные источники, ни народная память не сохранили о них упоминания. Выражения “Малая” и “Великая” Русь начинают появляться лишь, в XIV веке, но ни этнографического, ни национального значения не имеют. Зарождаются они не на русской территории, а за ее пределами и долгое время неизвестны были народу. Возникли в Константинополе, откуда управлялась русская церковь, подчиненная константинопольскому патриарху. Пока татары не разрушили киевского государства, вся его территория значилась в Константинополе под словом “Русь” или “Россия”. Назначавшиеся оттуда митрополиты именовались митрополитами “всея Руси” и резиденцией имели Киев, столицу русского государства. Так продолжалось три с половиной столетия. Но вот, разоренное татарами государство начало становиться легкой добычей

чужеземных государей. Кусок за куском русская территория попадала в руки поляков и литовцев. Раньше всех захвачена была Галиция. Тогда, в Константинополе установилась практика именовать эту отошедшую под польскую власть русскую территорию - Малой Русью или Малой Россией. Когда, вслед за поляками, литовские князья стали забирать одну за другой земли юго-западной Руси, эти земли, в Константинополе, подобно Галиции, получали наименование Малой Руси. Термин этот, так не понравившийся в наши дни украинским сепаратистам, приписывающим его происхождение “кацапам”, сочинен не русскими, а греками, и порожден не бытом страны, не государством, а церковью. Но и в политическом плане стал он употребляться, впервые, не в московских, а в украинских пределах. В XIV веке, галицкий князь Юрий II, в своих латинских грамотах именовал себя “князем всей Малой Руси” (*dux totius Rutenia minorum*). Под “великой” Русью патриаршая константинопольская канцелярия разумела все то, что осталось подвластно митрополиту киевскому. Сам Киев, пока его не захватили литовцы, относился к “великой” Руси, но с 1362 года, будучи взят Ольгердом, великим князем литовским, становится “Малой Русью”.

Таким образом, “Великая Россия”, первоначально, не означала отдельного народа или племени, относилась не к одному какому-нибудь княжеству, вроде московского, но ко всем северо-восточным землям, не подпавшим под власть иноверных государей. Жильберт Ланнуа, французский путешественник, посетивший Новгород в 1413 году, называет его “Великой Русью”. На итальянской карте Андрео Бьянки 1436 г., вся северо-восточная Русь обозначена, как “*Impreio Rosi Magno*”.

Но если в западноевропейских источниках “Великая Россия” упоминается еще в XV веке, то в Москве этот термин встречается не раньше XVI века. Впервые мы его видим в “Апостоле” - первой книге напечатанной Иваном Федоровым в 1556 г. Встречается он и под 1584 г. в чине венчания царя Федора Ивановича.

Из этой краткой справки видно, какое расплывчатое, неопределенное и совсем неофициальное значение имело выражение “Великая Русь” или “Великая Россия”. Если оно более или менее отчетливо определяло территорию, то совсем неясно выглядело по отношению к народу. Единственно, что оно могло, в этом случае, означать, - это православный народ, живущий в той части Руси, церковь которой подчиняется митрополиту Киевскому (потом Владимирскому и Московскому). Когда, после присоединения Малороссии и Белороссии, царь Алексей Михайлович стал писаться “всея Великия и Малыя и Белья России самодержцем” это опять-таки ничего не выражало, кроме объединения под его властью земель принадлежавших, когда-то, киевскому государству и получивших разные наименования после его распада.

Что касается слова “великорусс”, то его вообще не было в ходу, чуть не до самого XIX века. Неправильно утверждает Большая Советская Энциклопедия, будто наименование “великоруссы” или “великороссы” стало употребляться с начала XVII века. Случаев, когда бы они употреблялись, как имена существительные, либо не было совсем, либо было очень мало. Встречаются они, как прилагательные: “великороссийские пределы”, “великороссийские войска”. Чаще всего находим их в малорусских источниках. Существовал в Москве “Великороссийский приказ” - административное учреждение, ведавшее с 1688 г. управлением так называемой “Слободской украины” - казацкими поселениями не вошедшими в состав левобережной Малороссии и составлявшими особые полки: ахтырский, сумский, харьковский и изюмский. Назван этот приказ “великороссийским”, конечно, в противоположность “малороссийскому”, в компетенцию которого входила та территория, что присоединена к России после Переяславской рады. Причина такого разделения администрации заключалась, видимо, в том, что перечисленные полки осели в великороссийских землях, выйдя из польской Малороссии еще до присоединения ее к Москве.

Такие летописные своды, как Никоновский, составленный в середине XVII века, упоминают иногда о “Великой Руси”, но слов “великорусс” и “великорусский” там нет. Весьма возможно, что в письменности того времени их можно, иной раз, обнаружить, но для этого требуются специальные розыскания. Народ назывался русским (как он назывался и в Литве), а государство либо “российским”, либо “московским”, но никогда “великорусским” [*]. Сущей модернизацией надо признать заглавие книги А. Е. Преснякова “Образование великорусского государства”. Ни в XIV, ни в XV, ни в XVI веках оно себя так не называло. Любопытно, что вышедший в 1960 г. труд Л. В. Черепнина озаглавлен: “Образование русского централизованного государства”. И хронологические рамки, и география здесь те же, что у Преснякова, но Черепнин, во многом расходящийся с Пресняковым, ни разу не касается терминологического вопроса и не объясняет, почему одно и то же государство называется у него “русским”, а у его предшественника “великорусским”.

[*] Едва ли не первый стал называть его так В. Н. Татищев в XVIII веке, не разбираясь, при этом, ни в смысле, ни в происхождении этого термина. На Татищеве, в этом случае, сильно сказалось влияние польских историков, вроде Стрыйковского.

Порой кажется, что бифуркация эта - результат простой неосмысленности и закоренелой традиции. С таким объяснением можно было бы считаться, если бы мы не знали, что в старину ее не было и, что она - явление, сравнительно, новое.

“Великоруссы” - порождение умонастроений XIX - XX вв. - развития этнографии, повального увлечения фольклором, собиранием народных песен, изучением плясок, обрядов и обычаев деревни, а также “пробуждения” национализмов, шедших рука об руку с ростом либерального и революционного движения. Едва ли не главную роль тут сыграло появление украинского сепаратизма с его отталкиванием от общерусского имени и делавшего все, чтобы объявить это имя достоянием одной “Великой России”. В этом он нашел себе поддержку со стороны радикальной русской интеллигенции. Обе эти силы дружно начали насаждать в печати XIX века термин “великорусс”. В учебниках географии появился “тип великорусса” - бородатого, в лаптях, в самодельном армяке и тулупе, а женщины в пестрядинных сарафанах, кокошниках, повойниках. С самого начала, с этим словом, так же как со словами “малоросс” и “белорусс” связано было представление о простом народе славяно-русского корня, преимущественно крестьянском. Некоторое различие в быте, в обычаях, в диалектах покрывалось одинаковым уровнем их культурного развития. То были потомки древних вятичей, радимичей, полян, древлян, северян и прочих племен составлявших население киевского государства и не слишком далеко ушедших от своих предков по пути цивилизации. Но примечательно, что города, помещичьи усадьбы, все вообще культурные центры России, оказались вне поля зрения этнографов. Ни Тургенев, ни Чайковский, ни один из деятелей русской культуры или государственности не подводились под рубрику “великорусс”. Даже олонецкий мужик Клюев и рязанский мужик Есенин, в отличие от прочих рязанских и олонецких великоруссов, значились “русскими”.

* * *

За обоими этими терминами явственно видны два разных понятия и явления. В самом деле, почему хороводные пляски, “Трепак”, “Барыня”, “Комаринская” суть “великорусские” танцы, а балет “Лебединое озеро” - образец “русского” искусства? “Великорусскими” называются и крестьянские песни, тогда как оперы Даргомыжского, Глинки, Мусоргского, Римского-Корсакова, даже при наличии в них народных мотивов - “русскими”. Да и всей русской музыке, ставшей величайшим мировым явлением, никто не пытался дать великорусское имя. То же, с литературой. В самые жестокие времена гонений на все русское, советская власть не решалась на переименование русской литературы в великорусскую. Одно время настойчиво противопоставлялась ей “советская”, с явным намерением задавить и приглушить национальный термин, но за последние годы наблюдается некоторое ослабление в этом смысле; приезжающие сюда советские поэты, вроде Евтушенко, клянутся русским именем и в Москве решено, повидимому, дать ход этому движению. Русскую литературу знает весь мир, но никто не знает литературы великорусской. Есть крестьянские песни, сказки, былины, пословицы, поговорки на различных великорусских

диалектах, но литературы нет. Не слышно было, чтобы “Евгения Онегина” или “Мертвые души” называли произведениями “великорусской” литературы. Не решилась советская власть и на переименование русского литературного языка в язык “великорусский”. Письменный русский язык, на котором пишет наука, поэзия, беллетристика, ведется делопроизводство, которым пользуется повременная печать - древнее существующих наречий великорусских, малорусских, белорусских. Ведет он свое начало от начала Руси и занесен к нам извне, с византийских Балкан. Это язык договоров Олега с греками, язык начальной русской летописи, язык митрополита Иллариона, “Слова о полку Игореве” и всех литературных произведений киевской эпохи. Он продолжал существовать и эволюционировать после татарской катастрофы. На нем писали все части Киевского государства, как отошедшие к Литве и Польше, так и оставшиеся в Великой России. Назвать его языком одной из этих частей невозможно, хотя бы потому, что его создание - плод тысячелетних усилий не одних жителей Великой России, но в такой же степени России Малой и Белой. Особенно ярко проявилось это в середине XVII века, в царствование Алексея Михайловича, когда к исправлению церковных книг приглашены были киевские ученые монахи - Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский и другие. Исправление вылилось в целую языковую реформу, в упорядочение письменности вообще. Сухой приказный язык Москвы и южно-русская проза, испытавшая на себе польско-латинское влияние, подверглись сближению и унификации. Приводились в порядок лексикон и грамматика, вырабатывались литературные каноны, ставшие общими для всех частей православной Руси.

В XVII и в первой половине XVIII века, главная роль в формировании литературного русского языка принадлежала южанам, а не северянам. В это же время подвизался в Москве белорусс Симеон Полоцкий - поэт, драматург, ученый и богослов, воспитатель царских детей. При Петре Великом видим абсолютную культурную гегемонию юго-западной интеллигенции в создании канцелярского и книжного языка XVIII века. Для развития литературной речи, “малорусс” Григорий Сковорода сделал не меньше “великоросса” Михаила Ломоносова. А цотом следуют поэты - Богданович, Капнист, Гнедич, вписавшие вместе с Державиным, Херасковым, Карамзиным - новую страницу в русскую литературу. И так вплоть до Гоголя. В итоге получился, по словам Проспера Меримэ, “самый богатый из языков Европы. Он создан для выражения наитончайших оттенков. Одаренный удивительной силой и сжатостью, которая соединяется с ясностью, он сочетает в одном слове несколько мыслей, которые в другом языке потребовали бы целой фразы”. Создан он всеми тремя ветвями русского народа, а не одной московской его частью, и называть его “великорусским” - антинаучно и несправедливо.

Настало время заявить открытый протест против отождествления слов “русский” и “великорусский”, тем более, что советская власть решила,

видимо, устранить терминологическую невнятицу путем объявления этих двух слов равнозначными.

В 1960 г., в Малой Советской Энциклопедии [т.8, стр. 55], сказано: “Ростово-Суздальская земля, а впоследствии Москва, становятся политическим и культурным центром великорусской (русской) народности. В течение 14 - 15 веков складывается великорусская (русская) народность и Московское государство объединяет все территории с населением говорящим по великорусски”. Пятью годами ранее, в 37 томе Большой Советской Энциклопедии, на стр. 45, писали о XVI веке, как о времени, когда “завершилось складывание русской (великорусской) народности”. Там же сказано, что “русская народность образовалась на территории в древности заселенной племенами кривичей, вятичей, северян и новгородских словен”.

Перед нами несомненное установление знака равенства между “русским” и “великорусским”. Нельзя не видеть в этом такого же бедствия для нашей страны и народа, как в злонамеренном отторжении от русского корня украинцев и белоруссов. Долг каждого русского - поднять голос в защиту своего имени и, прежде всего, восстановить истинное его значение.

* * *

Почему это имя живет тысячу лет и несмотря на все старания вычеркнуть его из официального лексикона, неизменно возрождается, как явление первого плана? Ровесник русского государства и русской истории, оно имеет право на то, чтобы над ним серьезно задумались. Оно всегда означало нечто более широкое, чем та территория с которой его ныне связывают.

Мы не знаем ни его значения, ни времени его возникновения и не имеем надежды узнать при теперешнем состоянии источников; все написанное на этот предмет - ряд гипотез - не более. Самой вымученной (да и не новой) из таких гипотез, представляется сочиненная по велению свыше, после второй мировой войны. “Как показали новейшие работы советских историков, - гласит тот же 37 том Б.С.Э., - ... древние русы или росы, были одним из восточно-славянских племен. Племя это обитавшее первоначально, вероятно, в бассейне реки Рось, став ядром племенного союза, который уже в 6 - 8 веках охватывал значительную территорию в Среднем Поднепровье, где позже возникли города Киев, Переяславль русский, Курск, Стародуб, Чернигов”.

Не касаясь вопроса о том, насколько убедительно “показали” советские историки, нельзя не заметить, что их версия не способствует упрощению терминологической проблемы, к чему стремится правительственная мысль СССР, но запутывает и усложняет ее. Если племя “Русь” действительно существовало и если население обширной территории приняло его имя, то не знак ли это существования русского народа в долетописные времена? Нам,

ведь, в данном случае, безразлично, откуда пришло это имя; важно, что оно уже тогда существовало и, что народ считал себя русским. Б.С.Э. так и говорит: “слово 'русские' было самоназванием древнерусского народа еще в период Киевской Руси (9 - 12 вв.)”. Но в таком случае и “великоруссы”, как синоним “русских”, не могли не существовать тогда же. О каком же “складывании русской (великорусской) народности в XIV - XVI вв. говорит Малая Советская Энциклопедия? И сколько раз эта народность “складывалась”?

Нам так и не объяснено, почему первое складывание связано с Поднепровьем, с землями полян, древлян, волынян, а второе перенесено в волжско-окские и ильменские пределы - к кривичам, вятичам, новгородским словенам?

Достаточно поставить эти вопросы, чтобы надуманный и наскоро сколоченный характер концепции обнаружился в полной мере. Бедные советские историки, как это всегда бывало, поставлены в трагическую необходимость изворачиваться и расплачиваться своей научной совестью за нелепую, лживую конституцию СССР, составленную не на учете условий собственной страны и ее истории, а теоретически, отвлеченно, путем механического приложения схемы, разработанной для другого европейского государства.

Однако, если происхождение и первоначальное значение слов “Русь” и “русские” продолжает оставаться закрытым для нас, то имеются определенные свидетельства того, что понималось под ними во времена исторические - в эпоху Киевского государства. У таких видных историков, как Ключевский, находим интерпретацию слова “Русь” не как этнической группы, а как государственной верхушки. Такой она выступает уже в IX - X веках. “И седе Олег княжа в Киеве и беша у него варязи и словене и прочи прозвашася русью”. Возвращаясь из победного похода под Царьград в 907 г., он велел: “Исшийте парусы паволочиты Руси, а словеном кропиньныя”.

Император Константин Багрянородный особенно подчеркивает разницу между славянами и русью, рисуя славян данниками руси. Он красочно описывает ежегодные сборы дани со славян. В ноябре месяце, князья “выходят СО ВСЕМИ РУССАМИ из Киева и отправляются в полюдь то есть в круговой объезд, и именно в славянские земли вервианов, друговитов, кривичей, северян и остальных славян, платящих дань руссам. Прокармливаясь там в течение целой зимы, они в апреле месяце, когда растает лед на реке Днепре, снова возвращаются в Киев”.

Собирая дань, русы выступали, в то же время, судьями местного населения, создателями администрации, строителями городов-крепостей, организаторами военных походов, и они же были купцами-воинами

торговавшими с Византией и с Востоком. То была группа стоявшая над всеми полянами, древлянами, северянами, радимичами и вятичами. Никакие родо-племенные отношения их не связывали; чаще всего, это были выходцы из неславянских народов - варяги, венгры, осетины, греки, хозары, финны, печенеги, торки, половцы.

“Русь” - это князья, бояре, княжи мужи, огнищане, мечники, тиуны, дружинники - все составлявшие военный, церковный, административный аппарат власти - “господствующий слой”. Но в отличие от таких же “слоев” в западных странах, русскому приходилось много работать для удержания своего господства. Надо было следить, чтобы дань с подчиненной ему необъятной территории не собиралась кем-нибудь другим. “Не дайте хазарам, дайте мне”. Отсюда, постоянная забота о защите своих земель от иноземцев, защите сложной и трудной, вследствие особых географических условий. И защита, и успешность собирания дани зависели во многом от администрирования, от устройства земли и приобщения ее к культуре. В России, в отличие от западных стран, нельзя было “господствовать” и “эксплуатировать”, не устроив предварительно объекта господства и эксплуатации. По мере развития, господствующий слой сделался центром притяжения всего выдающегося, деятельного, развитого и культурного. Русские - это та группа населения, чья историческая судьба связана с государственностью и с культурой;

Давно замечено, что государство в России шло впереди народа. Не поляне, древляне, вятичи и не великоруссы, малоруссы и белоруссы, а РУССКИЕ учредили православную церковь в России - первую носительницу культуры. Не великоруссы, не малоруссы, а русские собирали землю и восстанавливали разрушенное татарами государство. Это русские повернули Россию лицом к Европе, русские выработали образованный слой населения, это они создали литературный язык, литературу, музыку, театр, науку.

Школы, университеты, интеллигентные профессии в Европе возникали независимо от светской власти, они создавались церковью, обществом, народом. Средневековый европейский город сложился в мощную силу очень рано и сделался одним из важных факторов истории. В России, напротив, городская жизнь стимулировалась и развивалась благодаря государству, да и города, мало не все, построены князьями.

Государство в Европе, в полном смысле слова, было надстройкой над обществом; в России, само общество - создание государства. Иначе и быть не могло в стране первобытной, с населением редким, состоявшим из звероловов и примитивных хлебопашцев, рассеянных по необъятному пространству. Государству, самым фактом его существования, уготована была здесь роль двигателя всяческого успеха - хозяйственного, культурного, военного и политического. Надплеменной, наднациональный его характер

сохранялся во все времена и при всех трансформациях. Инициатива насаждения культуры исходила всегда от него.

Кто этого не понимает, тот не поймет и группы народонаселения именуемой русскими. И тот не поймет, почему орловского мужика называют великоруссом, а Тургенева и Бунина, уроженцев той же орловской губернии - русскими.

Ни в Англии, ни в Германии ничего подобного не наблюдается. Там простой народ давно вышел из стадии этнографического существования, созрел национально и между ним и интеллигентным слоем населения нет той разницы, которая существовала и существует в России. Да и сам этот интеллигентный слой не имел там такой исторической миссии, которая выпала ему в России.

Вот почему “русский” и “великорусс” - понятия неслиянные. Один означает аморфную этнографическую группу, стоящую на низком культурном уровне, другой - категорию историческую, активный, творческий слой народа, не связанный с какой бы то ни было “этнографией” - носитель души и пламени нашей истории. Это тот слой, что породил некогда людей, вроде декабриста Пестеля, немца по рождению и лютеранина по вере, требовавшего в своей “Русской Правде”, чтобы официальным языком в проектируемой им республике, был русский, а церковный примат принадлежал православной церкви.

Советская власть до того запуталась в терминологии, что часто переносит русские черты и особенности на великороссов, характеризуя их, как столп и утверждение всего СССР. Русская (великорусская) народность, все в той же Б.С.Э. [т. 37, стр. 45] объявлена “носителем наиболее совершенных форм хозяйственной и общественно-политической жизни, государственного строя, высокой культуры, наиболее многочисленной и развитой из народностей Восточной Европы и севера Азии”. Она “была единственной народностью, которая могла взять на себя инициативу в объединении многих нерусских народностей в одно многонациональное государство, способное сдержать напор иноземных захватчиков”.

Читая это, глазам не веришь: куда же делись “страна рабов”, “вшивая Россия”, “господствующая нация”? Великоруссы преподнесены нам не полудиким, неграмотным народом, погрязшим, по словам Ленина, в “идиотизме деревенской жизни” и, даже созданный ими государственный строй - не “тюрьма народов”, а почтенное “многонациональное государство”. Зачем же было разрушать это государство? Неужели для того, чтобы теперь “посмертно реабилитировать”? Превознося великороссов, как соль советской земли, большевики грешат против духа ими же созданной конституции -

несправедливо унижают мужиков полтавских и витебских, ничуть не менее развитых, чем их костромские и пензенские собратья.

После второй мировой войны, Сталин, как известно, счел нужным в специальном обращении выразить благодарность русскому народу, открыто признав, что гигантская битва выиграна благодаря его исключительной стойкости и самоотверженности. “Спасибо ему, русскому народу!”

Документ этот примечателен и своей необычностью, и загадочностью. Неужели Сталин под русскими разумел великоруссов, не назвав их ни разу по имени? Неужели он сознательно унижал малоруссов и белоруссов, дравшихся не хуже москалей? Не верится. Но если это так, то более откровенного обнажения цинизма и фальши национальной политики КПСС трудно представить.

Позволительно допустить, однако, что автор нелепого догматического разрешения национального вопроса, вредного для самой советской власти, понял, каким-то чутьем, слово “русский” в его историческом смысле и воздал должное его духовному образу, возникавшему каждый раз в грозные минуты истории.

Не ему ли выражал он благодарность за свое спасение?

* * *

Русский народ почти неуловим при статистическом методе изучения. Каждый русский может быть отнесен либо к великоруссам, либо к украинцам, либо к полякам, немцам, грузинам, армянам. Гоголь - хохол, Пушкин - из арапов, Фонвизин - немец, Жуковский - турок, Багратион - грузин, Лорис-Меликов, Вахтангов, Хачатурьян - армяне, Куприн - татарин, братья Рубинштейны, Левитан и Пастернак - евреи, добрая треть генералитета и чиновничества была из немцев. Можно без труда рассортировать эту группу. Так сейчас и делают; каждая национальность старательно выискивает “своих” среди знаменитых русских и зачисляет их в свой национальный депозит. Мы можем с улыбкой следить за этой шовинистической игрой. Печать русского духа, русской культуры слишком глубоко оттиснута на каждом ее деятеле, на каждом произведении, чтобы можно было стереть ее или заменить другой печатью. Отмеченное ею никогда не будет носить ни великорусского, ни украинского, ни какого бы то ни было другого имени. И если, при статистическом подходе, “русских” можно растащить как избу по бревнышку, то есть, в то же время, что-то подобное цементу, что сплачивает эту группу в другом плане и делает прочнее железобетонного сооружения. Не оттого ли, что она не великорусская, а совсем другая по замыслу?

Достоевский полагал, что “русское отношение к всемирной литературе есть явление почти неповторяющееся в других народах в такой степени во всю всемирную историю... Всякий поэт - новатор Европы, всякий пришедший там с новой мыслью и с новой силою, не может миновать русской мысли, не стать почти русской силой”.

Способность приветствовать все великое, где бы оно ни появилось, и принимать в свой духовный организм - одна из черт русской культуры. И этим она давно определила себя, как мировое, а не как местное явление.

Какой контраст с советской политикой!

Русские, по словам одного известного публициста - живое воплощение самого великого завоевания русской истории - культуры. Преступление революции, ударившей со всей силы по русским, было преступлением против культуры.

Еще до октябрьского переворота революционные партии сбросили Россию со счетов, уже тогда ей противопоставлено было новое божество - революция. После же захвата власти большевиками, Россия и русское имя попали в число запретных слов. Запрет продолжался, как известно, до середины 30-х годов. Первые семнадцать-восемнадцать лет были годами беспощадного истребления русской культурной элиты, уничтожения исторических памятников и памятников искусства, искоренения научных дисциплин, вроде философии, психологии, византиноведения, изъятия из университетского и школьного преподавания русской истории, замененной историей революционного движения. Не было в нашей стране дотоле таких издевательств надо всем носившим русское имя. Если потом, перед второй мировой войной, его реабилитировали, то с нескрываемой целью советизации. “Национальное по форме, социалистическое по содержанию” - таков был лозунг обнажавший хитроумный замысел.

Приспосабливая к России всеми силами австро-марксистскую схему, большевики “постигли” все национальные вопросы за исключением русского. Точка зрения некоторых публицистов, вроде П. Б. Струве, видевших в “русских” “творимую нацию”, nation in the making, как называли себя американцы, была им чужда и непонятна. Руководствуясь этнографическим принципом формирования СССР и сочинив украинскую и белорусскую нации, им ничего не оставалось, как сочинить и великорусскую. Они игнорировали тот факт, что великорусы, белорусы, украинцы - это еще не нации и во всяком случае, не культуры, они лишь обещают стать культурами в неопределенном будущем. Тем не менее, с легким сердцем приносится им в жертву развитая, исторически сложившаяся русская культура. Картина ее гибели - одна из самых драматических страниц нашей истории. Это победа полян, древлян, вятичей и радимичей над Русью. Своим

вандализмом большевики разбудили эту стихию. Мы ясно видим, как культурная русская речь опускается до великорусских говоров и матерной брани. Все эти “авоськи”, “забегаловки”, “насыпучки”, “раскладушки”, “показухи”, “смефуечки” - показатели направления в котором эволюционирует “великий могучий” русский язык. Мы давно уже задыхаемся от вони портянок в советской литературе, с тревогой следим за превращением оперы в собрание песен, по образцу “Тихого Дона”, с тревогой видим как эстрадный жанр так называемых “народных” песен и плясок все больше противопоставляется классическому балету, которому уже грозила, однажды, опасность уничтожения, как “придворному” аристократическому искусству, и которого спасла только его мировая слава. Теперь над ним висит угроза “реформы” путем превращения в пантомиму с политической фабулой.

Трудно преувеличить опасность возведения этнографии в ранг высших ценностей. Это прямая победа пензенского, полтавского, витебского над киевским, московским, петербургским. Это изоляция от мировой культуры, отказ от своего тысячелетнего прошлого, конец русской истории, ликвидация России. Это - крах надежд на национальное русское возрождение.